

К 200-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ И. Е. ДЯДЬКОВСКОГО

С. Р. МИКУЛИНСКИЙ

В этом году исполняется 200 лет со дня рождения Иустина Евдокимовича Дядьковского. Это само по себе достаточное основание, чтобы вновь вернуться к жизни и творчеству выдающегося русского ученого и мыслителя-материалиста. Но не только это.

Когда в конце 40-х годов я собирал материалы о К. Ф. Рулье, мне часто попадались в разных статьях, заметках, архивных документах 30—40-х годов XIX в. и в воспоминаниях о них упоминания о Дядьковском. Я ничего не знал о нем, и эта фамилия мне ничего не говорила. В наших тогдашних биографических справочниках и энциклопедиях о нем ничего не было, в литературе я тоже тогда ничего не мог найти. Только позже выяснилось, что в 1946 г. в «Советском врачебном сборнике» (Вып. 3, с. 29—34) была помещена небольшая статья о нем и его ученике К. В. Лебедеве, в 1949 г. тоже небольшая статья в журнале «Фельдшер и акушерка» (№ 10, с. 34—40) и в 1950 г. заметка о Дядьковском как гигиенисте (жур. «Гигиена и санитария» № 8, с. 42—44). Эти небольшие статьи были содержательны, и заслуга их авторов в том, что они напомнили о Дядьковском, но уже из-за объема этих статей они не могли достаточно раскрыть творчество Дядьковского. Наконец, из-за специфики журналов, где они были опубликованы, они остались незамеченными работниками естественных наук и философии. Упоминали о нем В. Н. Смотров и А. О. Эдельштейн в сборнике, посвященном 175-летию I Московского медицинского института (М., 1940). И это почти все с конца XIX в. В сочинениях же по истории русской философии ни в дореволюционных, ни в послереволюционных, вплоть до 50-х годов, он вообще не упоминался. Между тем, судя даже по тем отрывочным сведениям, которые попадались под руки по ходу работы, как я уже сказал, совсем над другой темой, Дядьковский в 20—30-е годы XIX в. был одним из самых известных в кругу русской образованной интеллигенции человеком, его славу среди студентов Москвы сравнивали только со славой Т. Н. Грановского. Он был близок с Н. В. Гоголем, В. Г. Белинским, Н. В. Станкевичем, М. А. Максимовичем, Д. В. Веневитиновым, Н. И. Надеждиным, П. С. Мочаловым и др. Его знали А. И. Герцен, Н. П. Огарев, Н. И. Пирогов, Ап. Григорьев, П. Я. Чаадаев, — без преувеличения вся образованная Россия. И если одни его знали больше как опытного врача, то многих, как можно судить по воспоминаниям его современников, поражали его смелые философские взгляды, его непреклонный материализм. Изгнание Дядьковского в 1835 г. из Московского университета связывали с его атеизмом.

По мере ознакомления с работами Дядьковского, его оставшимися неопубликованными рукописями (они хранятся в рукописном Отделе Государственной библиотеки имени В. И. Ленина в Москве) и материалами о нем становилось ясно, что это был не только выдающийся медик, но и оригинальный, смелый ученый-мыслитель, убежденный философ-материалист, борец против витализма в биологии и медицине, широко распространенной в то время, особенно в Германии, идеалистической натурфилософии и одновременно против плоского эмпиризма.

Как же могли о нем к середине XX века так прочно забыть? Почему так долго не замечали его историки науки и историки русской философии? Если говорить о буржуазных историках русской философии, то тут можно еще объяснить это тем, что взгляды Дядьковского не укладывались в их схему историко-философского процесса в России, ломали ее. Ну, а советские историки философии? Ведь творчество Дядьковского, восполняя отсутствовавшее в истории философии звено между М. В. Ломоносовым и Н. А. Радищевым, с одной стороны, и А. И. Герценом, с другой, служит замечательным доказательством прочной материалистической традиции в русской философии. Почему же так долго его творчество оставалось не раскрытым, не получало достойного отражения? Все это не праздные вопросы, и касаются они далеко не одного Дядьковского, но многих русских ученых и мыслителей. А это меняет дело. Конечно, можно в каждом конкретном случае назвать много разных причин. Но изжиты ли все они полностью, и отошла ли эта проблема в прошлое? В юбилей Дядьковского уместно об этом задуматься.

В начале 50-х годов творчество Дядьковского — и как медика, и его общепсихологические взгляды, и его место в истории русской философии — получило широкое освещение.

В 1951—1954 гг. были изданы монографии о нем, выпущены его избранные труды, изложение его взглядов вошло в программу курса по истории русской философии; краткие справки о нем вошли в Большую советскую и философскую энциклопедию. Но с тех пор выросло новое поколение, нас бушуют новые заботы, однако надо, чтобы не повторялось то, что было в прошлом. Дядьковский опять начинает забываться. Разве не показательно, что 200-летие со дня его рождения нигде и никак не отмечено? Надо, чтобы новые поколения не забывали то, что достойно памяти в истории своего народа, что и сегодня вселяет в нас законную гордость за свой народ и сознание его неиссякаемых творческих сил.

Иустин Евдокимович Дядьковский родился 1 (12) июня 1784 г. в селе Дядьково, что неподалеку от Рязани. Отец его был пономарь. Семья жила в большой нужде. Мальчиком он обратил на себя внимание своими способностями, и знакомые отца помогли определить его в Рязанское духовное училище. Позже его приняли «на казенный кошт» в рязанскую духовную семинарию. Несколько состоятельных лиц предоставили личные средства на содержание и обучение одаренного семинариста. Много позже И. Т. Глебов — известный физиолог, ученик Дядьковского, сам окончивший ту же семинарию, писал: «без этого пособия Дядьковский, несмотря на высокие дарования, остался бы навсегда в неизвестности» [1, с. 316]. Окончив философское отделение семинарии (на котором с 1803 г. по указу Александра I преподавалась также медицина), Дядьковский не захотел продолжать учение на богословском отделении и отправился в Москву. Здесь в 1809 г. он был принят казеннокоштным воспитанником Московской медико-хирургической академии. Он успешно окончил ее в марте 1812 г. с серебряной медалью, получив звание лекаря.

Дядьковский был незаурядным студентом. Еще в молодости он овладел латинским, греческим, французским, английским и немецким языками, а позднее, уже взрослым человеком, изучил также и итальянский. Большая, горячая любовь к науке, пылкий ум, не принимавший ничего на веру, отличали его уже в юношеские годы.

Неудовлетворенный догматическим изложением учебных курсов, к чему сводилось преподавание многих профессоров академии, значительная часть которых были иностранцами, и притом, за редким исключением, не лучшими представителями науки своих стран, а теми, кто хлынул в Россию на ловлю высоких окладов и чинов, Дядьковский стре-

мился постигнуть причины и сущность явлений, что нередко приводило его к спорам с преподавателями.

На Дядьковского обратил внимание один из его учителей, профессор анатомии и физиологии Ефим Осипович Мухин. В начале 1812 года он подал в Конференцию (Совет) академии рапорт, в котором, указывая на выдающиеся способности Иустина Дядьковского и трех других выпускников академии, в том числе Алексея Ловецкого (однокашник Дядьковского по Рязанской духовной семинарии, будущий профессор Московского университета), рекомендовал оставить их при академии для подготовки к научной деятельности. Однако руководство академии не согласилось с этим предложением, сославшись на невозможность ходатайствовать перед военным министром об их материальном обеспечении. Дядьковский должен был бы по установленному порядку поступить на службу в военное ведомство лекарем. Выручил Е. О. Мухин, давший личные деньги на содержание молодых лекарей, стремившихся посвятить себя науке, и Дядьковский был оставлен при академии.

Так, с большими трудностями, встречая на каждом шагу препятствия, должен был прокладывать себе дорогу в науку в тогдашней России выходец из неимущих низов.

Окончание академии совпало с началом суровых испытаний для России и самоотверженной борьбы русского народа за свою национальную независимость против нашествия Наполеона. Дядьковский сразу же, в числе многих других русских интеллигентов, вступает в московское ополчение. Его прикомандировывают в качестве лекаря к Головинскому временному военному госпиталю в Москве. 31 августа 1812 года он вывозит из Москвы группу тяжело раненных офицеров в Рязань, где его оставляют для их лечения. Здесь он близко знакомится со многими офицерами действующей армии, подолгу беседует с ними. Изредка он посещает свою родную деревню, находившуюся в семи верстах от Рязани, и, будучи уже взрослым человеком, может оценить жизнь крепостной деревни.

В начале 1813 г. Дядьковский был отозван в Москву и направлен в г. Верею для борьбы с эпидемией тифа.

По возвращении в Академию, где большим влиянием при поддержке ее президента лейб-медика Виллие пользовалась группа иностранных профессоров, противившихся привлечению к преподаванию новых людей, особенно русских, Дядьковский долго не мог получить никакого назначения. Только после его настойчивых обращений к руководству академии, в одном из которых он писал, что прошло уже два года, как он оставлен при академии, но до сих пор не может получить определенного назначения, он был, наконец, в 1814 г. назначен репетитором по ботанике и фармакологии. И хотя уже в 1814 г. он сдал экзамен на звание доктора медицины, а в середине 1816 г. защитил докторскую диссертацию, только в марте 1817 г. он был утвержден адъюнктом ботаники и самостоятельно прочел полный курс этой науки. В конце 1817 г. он был переведен на кафедру патологии и терапии. Лишь в 1824 г. он был утвержден экстраординарным, а в 1826 г. ординарным профессором. В 1830 г. он был назначен членом Центральной комиссии по борьбе с холерой и принял активное участие в ликвидации эпидемии в одном из самых опасных ее очагов — в Саратове.

После смерти М. Я. Мудрова, погибшего, заразившись холерой во время борьбы с эпидемией, Дядьковского избирают в конце 1831 г. ординарным профессором терапии и директором терапевтической клиники Московского университета. Но наступившая, наконец, видимость благополучия длилась недолго.

Огромная популярность Дядьковского как ученого и врача, восхищение студентов его лекциями, независимость суждений и поведения не давали покоя завистникам и всякого рода реакционерам. Материа-

лизм Дядьковского, его воинственная критика идеализма ни для кого не были секретом. Повод расправиться с ним найти было не трудно. В 1834 г. его обвинили в кощунстве над религией и принудили уйти из академии, а годом позже министр просвещения граф Уваров признал его лекции «не могущими содействовать к правильному образованию молодых врачей» и распорядился удалить его из Московского университета. 23 декабря 1835 г. он был уволен на основании Записки министра народного просвещения. Даже М. П. Погодин, человек из другого лагеря, должен был признать, что Дядьковский был «на всем бегу подшиблен противною партией» [2, с. 54]. Пути к профессорской кафедре были для Дядьковского навсегда закрыты. Конечно, он мог, и совсем безбедно, жить практикующим частным врачом. Приглашали его, в том числе богатые люди, наперебой. Но частную практику он не любил; он жил наукой и возможностью распространять свои идеи. И многого достиг в этом благодаря таланту и, как писал один из его учеников К. В. Лебедев, — «воле постоянно твердой, преодолевавшей большие трудности» [3].

Человек многое может вынести, но силы его не беспредельны. Современники, близко знавшие Дядьковского, единодушно отмечали, что он был крепкого сложения, человеком темпераментным, с живым характером, большими, всегда блестящими глазами. В любую стужу ходил в расстегнутой шубе. По статной фигуре и осанке, всегда с толстой суковатой палкой в руках, знакомые на улице принимали его за артиста. И. Т. Глебов писал, что «Дядьковский вообще наслаждался цветущим здоровьем. Во все продолжение своей жизни до 1835 г. он не более двух раз был болен» [1, с. 322]. После 1835 г. (простое ли это совпадение?) он начал болеть, и «в нем уже не было прежней энергии, прежнего веселого расположения духа» [1, с. 322]. Через пару лет, писал И. Т. Глебов, он стал казаться столетним старцем, а ему едва перевалило за 50.

Умер Дядьковский в Пятигорске 22 июля (2 августа) 1841 г. «Умирал он спокойно, просто, твердо, как будто собирался куда-то ехать... кто-то призвал священника, но Дядьковский не принял его» [4, с. 318]. Он остался верен себе до конца.

Все, знавшие Дядьковского, характеризуют его яркой, самобытной личностью. Если суммировать высказывания о нем современников, складывается образ волевого, целеустремленного человека, смелость и широта мышления которого сочетались в нем с темпераментом борца, твердость и непреклонность убеждений, высокое чувство достоинства и независимости с мягкостью, сердечностью и уважением к людям, готовностью прийти на помощь каждому, кто в ней нуждался. С самого начала он сформулировал для себя принцип: «не признавать ничьего умоположения за истину, иначе как только убедившись в истине его верностью и логического, и нравственного, и физического его употребления» [5, с. VI] и строго следовал ему. Преклонение перед авторитетами вызывало в нем возмущение. Он призывал ученых к «благородной национальной гордости», «свергнуть с себя ярмо подражания и сделаться самобытными» [там же]. Даже сам язык его, несколько архаичный, отдающий XVIII веком, если и объясняется, главным образом, средой, в которой он жил почти до 30 лет и семинаристским образованием, вероятно, в какой-то мере отражал его умонастроение — ни в чем не терять свое лицо, быть самим собой, не отрывать от корней.

Как же сформировалась такая личность в России начала XIX в.? Казалось бы все в жизни Дядьковского было против этого — нищета в детстве, впечатления ранних лет, проведенных среди забитых, бесправных, приниженных людей крепостной деревни, затем бурса, годы учения в академии без гроша на самое необходимое, даже на булку и чай (завтрак в академии не давали), существование на казенном коште в

полной зависимости от начальства, к тому же в большинстве иноземного. И вдруг в этой удушающей обстановке вырастает личность яркая, самобытная, самостоятельная. Как это происходит? Это-то и надо понять. И тогда яснее станет, как сложилась система научных взглядов Дядьковского, такая, на первый взгляд, неожиданная для эпохи священного союза и режима Николая I, так резко противоречащая той, которая с чугунной тупостью и изуверством насаждалась царской бюрократией в союзе с церковью. Думается, что именно в этом высшая задача историка науки и непреходящее значение историко-научных исследований. Не всем и не всегда это удастся. Дело не только в том, что для этого нужно много знаний и талант, — не всегда для этого можно найти достаточно материала. Но цель, как бы трудно ни было ее достигнуть, остается. Ведь толково пересказать, что писал тот или иной ученый и какое значение имели его труды, может каждый знающий предмет, имеющий навык поиска источников, желание и могущий выделить для этого время. Но такой рассказ будет материалом для истории, иногда очень ценным, но все же еще не подлинным историческим исследованием.

Конечно, раскрытие того, как сформировался ученый, как сложились его воззрения, не единственная задача, их у истории науки много, но все же та, о которой мы говорим, одна из труднейших и наиболее важных для науки, культуры, понимания жизни и людей, и даже для практики. Коротко мы когда-то сформулировали это для себя так — задача в том, чтобы раскрыть не только то, что достигнуто, но также, как, *благодаря чему...*

Онегины и Печорины были не худшими современниками Дядьковского, были еще Фамусовы, Скалозубы и Салтычихи, были Дубельт, граф Бенкендорф, Аракчеев, III Отделение.... На другом, хотя и не крайнем, полюсе — тысячи Акакий Акакиевичей. С этими он мог соприкасаться каждый день — забитыми, запуганными до предела, до полной потери человеческой индивидуальности. Все они были его современниками. Он начинал работу в академии во времена свирепого, злобного и бездумного разгула Карнеева, Магницкого и Рунича. Но его современниками, а некоторые и знакомыми, были также декабристы, П. Я. Чаадаев, А. С. Пушкин, А. С. Грибоедов, М. Ю. Лермонтов, Н. В. Гоголь, В. Г. Белинский, А. И. Герцен, М. С. Щепкин. Можно ли придумать большие контрасты? И все в одно и то же время. А до этого — его учителя, уже сбросившие с себя раболепие перед чужой ученостью и осознавшие себя личностями, — М. Я. Мудров и Е. О. Мухин. И надо всем этим неизгладимый в памяти 1812 год, всколыхнувший всю Россию и показавший, какие силы таятся в народе и на какую стойкость, подвиг и мужество он способен. Двадцативосьмилетним человеком провел его Дядьковский в самой гуще событий, в тесном общении со многими офицерами и солдатами, спасая их жизнь и ведя с ними долгие беседы. Сколько характеров, судеб прошло перед ним, со сколькими мнениями довелось познакомиться. Частицу их донес до нас дневник одного из раненых под Бородино офицеров, которого Дядьковский вместе с другими ранеными вывез из Москвы накануне ее сдачи и лечил в Рязани. «У меня были два раненых кирасирских офицера. Я провел весьма приятный вечер; у нас шел непрерывный спор с доктором, у которого были несогласные с нашими военными взглядами понятия о дуэлях и о службе гарнизонных батальонов. Гости покинули меня в 11 часов совершенно утомленные спором, не успев, однако, победить нашего спорщика-латиниста» [6, с. 73]; «вечером у нас с доктором был страшный спор насчет правительства» [6, с. 76]. Сущность этого «страшного спора насчет правительства» между офицером конной гвардии, будущим царским генералом и молодым лекарем, вышедшим из низов, автор благоразумно не отразил в своем дневнике. Несколькими страницами дальше: «Пу-

щин пришел вечером, чтобы проститься с доктором» [6, с. 83]. Имеются сведения, что Дядьковский встречался в то время также с будущим декабристом И. Д. Якушкиным, вел с ним долгие беседы и поразил его своими суждениями о Бабефе и Гельвеции [7, с. 54].

Улучив пару свободных часов, Дядьковский ходил из Рязани в родную деревню, чтобы навестить отца, и вся беспросветность ее жизни вновь вставала перед ним.

Не хочу сказать, что пережитое и передуманное в 1812 г. могло все решить. Из наполеоновского похода вернулись и будущие декабристы, и их будущие вешатели. Но даром это не могло пройти. Дядьковский не стал политическим борцом, но он стал мужественным борцом в науке. И заметим — с самых первых своих шагов в ней. Таким он предстает уже в первой своей печатной работе — докторской диссертации «Об образе действия лекарств на человеческое тело», опубликованной в Москве в 1816 г.

Это заметили сразу. Еще в 1855 г. И. Т. Глебов писал: «Дядьковский учился медицине с 1809 по 1812 год у стариков из школы прошлого столетия. Поэтому он не мог отсюда вынести других понятий, кроме эмпирических, всегда и везде пользующихся правом гражданства, и отвлеченных, трансцендентальных, господствовавших в то время в Германии... Но учение, которое излагал в своих лекциях Дядьковский, и начала которого обнародовал печатно в своей диссертации еще в 1816 г., не носит на себе ни малейшей тени ни эмпиризма, ни трансцендентализма; напротив, оно есть естественно-историческое, опытно-рациональное, которое он выработал сам, так сказать, из себя, т. е. из собственных наблюдений и исследований натуры силою своего таланта. Это учение, основанное им тогда, теперь все более и более подтверждается в началах своих всеми открытиями, сделанными после того в области естественных наук...

Учение Дядьковского, учение самостоятельное, может быть названо физико-химическим учением. Дядьковский был глубокомыслящий физик и химик в медицине, врач-философ» [1, с. 324—325].

В этой оценке нет преувеличения, скорее она не полная. Стремясь преодолеть эмпирическое направление в медицине, сводившееся к лечению отдельных симптомов, в поисках теоретических основ медицины как науки, Дядьковский ставил и решал коренные вопросы научного мировоззрения, такие как единство и материальность мира, учение о материи, сущность жизни, соотношение материи и сознания, развитие природы и методы ее изучения. Это нашло свое отчетливое выражение уже в его диссертации 1816 г. и поэтому она, несомненно, должна рассматриваться как замечательный памятник творческой научно-теоретической и философской мысли в России начала XIX в.

Теоретические основы биологии и медицины во времена Дядьковского еще только закладывались. Физиология животных и человека была в зачаточном состоянии. Медицина во многом еще оставалась на уровне ремесла, искусства. В биологии и медицине широкое распространение имели, а можно даже сказать господствовали, всякого рода идеалистические представления. Умами медиков и биологов завладел витализм. Возникнув на почве недостаточного знания физиологии, витализм тормозил развитие биологии и медицины, поскольку не только отвлекал от поиска научного объяснения явлений жизни, сводя все непонятное к действию некоей «жизненной силы», но и объявлял ее непознаваемой для естествознания. Тем самым ставилась непреодолимая преграда научному познанию. Вопрос, таким образом, шел не о частных, а о принципах понимания и изучения, и притом не только органической природы, но природы в целом. Выдающаяся заслуга Дядьковского и свидетельство глубины его теоретического мышления в том, что он понял и раскрыл это в полной мере. Он решительно выступил про-

тив витализма не как частной биологической гипотезы, а как мировоззрения, как выражения идеалистического взгляда на природу и противопоставил ему целостную, философски осмысленную, материалистическую концепцию природы и ее изучения.

В своей диссертации 1816 года (она была тогда опубликована на латинском языке, в 1845 г. К. В. Лебедев издал ее в русском переводе) Дядьковский полностью отверг какие-то бы ни было представления о нематериальных «жизненных началах», «жизненных силах», «идеальных сущностях», определяющих процессы жизнедеятельности организмов и управляющих ими. В мире нет ничего кроме материи и ее свойств и только в них нужно искать объяснение всех явлений природы. «Первым источником, из которого следует выводить и объяснять все явления природы,— писал Дядьковский в 1816 г.— нужно считать не силу или какое-то особенное начало, которое до сих пор отыскивали и которое мы теперь можем отвергнуть как совершенно бесполезное произведение вымысла, а только материю как безусловную причину явлений» [8, с. 262]. Обосновывая тезис о материи как источнике всех явлений в природе и ее первичности, Дядьковский в то же время со всей определенностью выступал против рассмотрения материи и силы как двух самостоятельных сущностей. «Нет никакой нужды одушевлять материю каким-то жизненным духом, или, следуя трансцендентальным философам, оживлять ее идею всеобщей жизни, или разделять на субъективную и объективные части... сама материя содержит в себе начала или основания всех своих действий, т. е. самой материи присуща способность производить все те действия, которые мы в ней замечаем» [8, с. 262—263]. Развивая эту последовательно материалистическую точку зрения, Дядьковский резко критиковал деистические представления о материи как косной инертной сущности, требующей приложения внешних сил, «первотолчка», и в особенности идеалистическую шеллингианскую философию, рассматривавшую материю как производное полярных сил. Дядьковский систематически возвращался к ее критике. В программе своего курса патологии на 1826—1827 гг. (Отдел рукописей Гос. б-ки им. В. И. Ленина), он характеризовал учение Шеллинга «не токмо бесполезным, но и вредным», так как отвлекает «от опытного, необходимом нужного познания природы» [9, лист I оборот]. В 1829 г. в предварительных записках к своим лекциям он писал: «Шеллинг натуру разделил на две стороны: на сторону существенную и кажущуюся; и первую субъективную, а вторую объективную называет; в первую сторону включает находящееся в нас непонятное существо, не/ви/димое нами и оно есть некая божественная сила; вторая же сторона составляет м/ате/рию, происходящую от отражения со стороны субъективной и зависящую от оной. Из стороны существенной старается он объяснить все, а объективная д/олж/на повиноваться первой» [10, лист 3 оборот].

На ряде примеров Дядьковский показывает далее невозможность с точки зрения философии Шеллинга объяснить явления природы, понять их сущность и причины и утверждает, что все это вскрывает несостоятельность учения Шеллинга, «доказывает его несовершенство и мечтательность произвольную, не приносящую никакой пользы в деле практическом» [10, лист 4 оборот]. Отвергая извращенное идеалистическое представление шеллингианства о природе, Дядьковский вместе с тем сумел вычлени в натурфилософии ее рациональное зерно. Он писал: «Между тем учение сие принесло также в область естественных наук и свою пользу, показав, хотя и в ложном виде, испытателям природы всесущую однородность оной и непрерывную одинаковость законов, по которой она действует» [9, л. 1 об.].

Свои взгляды Дядьковский пропагандировал не только с кафедры, в лекциях, книгах. Это были его глубокие убеждения, и он при всяком

удобном случае стремился передать их тем, с кем он общался. В 1824 г. по просьбе матери молодого поэта Д. В. Веневитинова Дядьковский прочел ему курс ботаники. Они сблизились. Когда Д. В. Веневитинов уехал в Петербург, Дядьковский писал ему в 1826 г.: «Вы пишете, что скоро приметесь за занятия свои, о чем мне говорили матушка Ваша и Хомяков. Изучайте историю свою, ее нужно знать отменно, а метафизику оставьте совсем. Еще десять — двадцать лет, и те, кто пишут о ней изживут себя. Приглядывайтесь к жизни, знайте ее вопросы, находите ответы, познавайте живые науки» [7, с. 57]. То же самое внушал он и Н. В. Станкевичу, который был к нему сердечно привязан. В кружке Станкевича, в который входили Т. Н. Грановский, М. А. Бакунин и где, начинавший свой творческий путь В. Г. Белинский был своим человеком, увлекались тогда философией Гегеля и Шеллинга. Некоторую дань этому увлечению в своих ранних статьях отдал, как известно и В. Г. Белинский, быстро, однако, избавившийся от этого увлечения.

Развивая в диссертации свое учение о материи, Дядьковский предугреждал: «прошу, чтобы отсюда кто-либо не сделал заключения, что в представлении о материи я следую атомистической или механической системе. Я во всяком случае принимаю существование материи как материи, как это делают атомисты, но вместе с тем совершенно не допускаю, как и динамисты, никаких сил вне материи (хотя, с другой стороны, как это ясно само по себе, не хочу рассматривать материю, подобно динамистам, как явление соединения сил). Короче говоря, сама материя является, по моему мнению, и действующей и испытывающей действие, а название силы я употребляю только для обозначения возможности действия между разнородными материями или для другого рода действий и предполагаю, что она существует в самой материи. Это свое мнение я предпочитаю чисто атомистическим воззрениям и считаю, что для объяснения явлений, совершающихся в материи, нет никакой надобности принимать находящиеся вне материи необъяснимые силы; я предпочитаю его и динамическим представлениям по той причине, что мое мнение не уводит с экспериментального пути на путь необоснованных рассуждений и, кроме того, позволяет более легкое объяснение явлений» [8, с. 263]. Дядьковский, как это отчетливо видно из приведенных его высказываний, стремился преодолеть как механистические (ньютоновские), так и кантианско-шеллингианские представления о материи, и эта его попытка, несомненно, была после французских материалистов XVIII в. дальнейшим крупным шагом в развитии учения о материи.

Вслед за французскими материалистами XVIII в. Дядьковский отстаивал идею единства и материальности природы и всех процессов в ней. В природе все обусловлено свойствами материи, фундаментальнейшим из которых является развитие, превращение одних форм материи в другие — неорганической в органическую, неосязающей в осязающую и т. д. Уже в 1816 г. он решительно поддержал идею Бюффона и Ламарка о превращении видов под влиянием пищи, климата и образа жизни и писал, что одни виды «произошли от других им не подобных» [8, с. 256]. Более того, он утверждал, что природа создала человека «не каким-либо иным образом, как только тем, которым она создает и другие тела (именно путем особого смешения материй» [8, с. 264].

В основе жизни, согласно Дядьковскому, лежит естественный процесс химических превращений веществ в организме, происходящий при взаимодействии организма с окружающей их средой. «...Жизнь от начала и до конца есть, — писал он, — не что иное, как непрерывно продолжающийся химический процесс» [8, с. 266]. В 1830 г. он назвал свое учение «физико-химическим» [11, лист 1]. Дядьковский, однако, не сводил биологические явления к грубым механистическим схемам, хотя

механизм был присущ ему; это было неизбежным для материализма его времени. Как бы глубоко ни проникали мы «со своим скальпелем и микроскопом» и как бы ни расчленили организм, «до мельчайших составляющих его молекул», — писал он, — мы узнаем мертвый, а не живой организм, не познаем в чем состоит сущность жизни. Дядьковский видел особенность живого тела в его способности усваивать посторонние вещества и уподоблять их себе, т. е. в способности самовозобновления своего тела за счет воспринимаемых извне веществ [8, с. 266]. «Непрерывное взаимное действие перечисленных сил тела человеческого, т. е. внешних на внутренние и внутренних на внешние, и есть его жизнь. Без этого взаимного действия сил нельзя даже представить себе жизнь человеческого тела» [8, с. 272]. Конечно, это было еще только общее положение. Для более глубокого, конкретного понимания процесса жизнедеятельности не хватало тогда знаний, и Дядьковский об этом часто со всей прямотой писал. Но взгляды, которые он развивал и пропагандировал, указывали пути научных поисков, направление дальнейших исследований, помогали устранять завалы на пути научного познания, которые нагромодили идеалистические теории, стимулировали развитие биологической и медицинской мысли в России. Этому же способствовало и постоянное подчеркивание Дядьковским, что единственным источником знаний является опыт, непригодности для науки, ни одностороннего эмпиризма, ни одностороннего рационализма, что только сочетание опытного, экспериментального исследования и теоретического обобщения является надежной основой научного познания.

Характеристика естественнонаучных и философских воззрений Дядьковского будет неполной, если не коснуться, хотя бы кратко, его взглядов на сущность и природу психической деятельности и роль нервной системы в организме. Известно, что в этой области идеалистические представления господствовали дольше, чем в любой другой области естествознания. Перелом здесь наметился, по существу, только в работах И. М. Сеченова, а всесторонняя научная разработка этих проблем относится уже к XX в. Достоверных сведений о деятельности нервной системы и, особенно, головного мозга в начале XIX в. было очень мало и потому, конечно, в том, что писал по этим вопросам Дядьковский много было чисто умозрительного, и как потом выяснилось, неверного. Это было неизбежно. Тем более, не может не привлечь внимания то, что в этих в высшей степени неблагоприятных условиях Дядьковский сумел найти подход к этим проблемам и не только высказать ряд важных положений, сохранивших в последующем свое значение, но и очертить общие контуры учения о роли нервной системы. Здесь может быть ярче всего проявились последовательность и глубина материалистических убеждений Дядьковского и его научная интуиция, опирающаяся на развитую им общую концепцию. Другое объяснение этого довольно парадоксального факта вряд ли будет верным.

В отличие от идеалистов, связывавших любые проявления реакций организмов на внешние раздражители, не говоря уж о психической деятельности, с особым «духовным началом», которым организмы якобы одарены извне и которое имеет совсем другую природу и подчиняется другим законам, чем любые материальные тела, Дядьковский рассматривал их как сложные свойства высокоорганизованной материи. Подобно Дидро, он считал, что в фундаменте способности восприятия организмами окружающего мира лежит свойство материи (и органической, и неорганической) в той или иной форме отвечать на внешние воздействия [8, с. 258]. Степень и тонкость этих реакций у различных видов животных от простейших до самых высокоорганизованных Дядьковский объяснял степенью развития их нервной системы. «Человек, — писал он, — отличается от прочих животных высочайшим развитием нервной системы» [12, с. 198].

В курсе общей патологии (1828), в «Симптоматологии» (1830) Дядьковский подробно обсуждает вопрос о таких психических способностях как восприятие, память, воображение, рассудок, воля и т. п. [см. 12]. В основе всех проявлений психической деятельности, по Дядьковскому, лежит физиологический акт, являющийся, по своей сути, реакцией нервной системы на внешние воздействия. Идеи Дядьковского в этой области развил в дальнейшем его ученик и сотрудник И. Т. Глебов в диссертации «О страстях» (1834) и статье «Физиология аппетита или голода» (1856). В последней работе он уже прямо связывал простейшие психические явления с рефлексам. Одним из слушателей Глебова в Московском университете был И. М. Сеченов.

Мы не стали бы утверждать, что учение Сеченова является прямым, непосредственным продолжением идей Дядьковского и Глебова, но то, что ряд принципиальных положений Сеченова, пусть в недостаточно развитой форме и значительно менее обоснованные, имелись уже в работах Дядьковского и Глебова,— это несомненно. Определенная научная традиция здесь прослеживается со всей очевидностью, как и связь в последующем между учениями Сеченова и И. П. Павлова. Во всяком случае, когда во время чествования Глебова в связи с 50-летием его научной деятельности в присутствии И. М. Сеченова несколько раз повторялись слова, что «В Московском университете на лекциях Ивана Глебова родился Иван Сеченов — основатель современной физиологической школы в России» [13, с. 63], то они имели основания.

Органом психической деятельности Дядьковский считал головной мозг. Любое отклонение ее от нормы — утверждал он — «зависит от строения или деятельности, или организации мозга» [14, часть 2, с. 62]. В связи с этим он отказался от общепринятого тогда термина «душевные болезни» и предложил заменить его термином «болезни ума». Придавая важную роль физико-химическому взаимодействию в координации функций, т. е. гуморальной регуляции, по современной терминологии, Дядьковский решающую роль в координации всех систем и органов высших животных и человека отводил нервной системе [14, часть 2, с. 10]. С нарушением в функционировании нервной системы он связывал происхождение ряда заболеваний, подчеркивал влияние состояния нервной системы на течение всех заболеваний.

Принцип целостности организма и ведущую роль нервной системы Дядьковский положил в основу своей оригинальной системы болезней, которую он опубликовал на латинском языке в 1833 г.

Мы почти не касались специальных вопросов медицины в творчестве Дядьковского. В этой области им было сделано очень много. Большое значение имела его критика локалистического направления в медицине и разработка в противоположность ему взгляда на организм как целостную строго скоординированную систему, в которой все процессы взаимообусловлены, находятся в тесной связи между собой и условиями жизни. Соответственно этому он развивал и свое учение о болезни, считая, что для ее предупреждения и лечения нужно принимать во внимание не отдельные признаки болезни только, а организм человека в целом и условия, в которых он живет. Работы Мухина, Дядьковского и его ученика Глебова подготавливали почву для утверждения принципа нервизма в русской медицине, который блестяще развил и в теории, и в клинической практике С. П. Боткин, а затем дал ему всестороннее физиологическое обоснование И. П. Павлов. Дядьковский впервые ввел преподавание в Московском университете курса нервных болезней. Он был не только выдающимся теоретиком, но и замечательным клиницистом. Это отмечали врачи и ученые XIX в., советские историки медицины, которые в 50-е гг. XX в. многое сделали для раскрытия его выдающейся роли в развитии медицины в нашей стране [15].

Залог успехов медицины Дядьковский видел в ее связи с естествознанием, опоре на него. Из этого он исходил сам в своей научной деятельности, к этому призывал других, в частности в речи в 1833 г. в Московском университете, где он говорил об «естествоведении» как фундаменте всех знаний [16]. Его собственные интересы были исключительно широки. Предметом его постоянного внимания в области естественных наук были ботаника, зоология, минералогия, физиология вообще и нервной системы в особенности. Философию знал профессионально. Любил историю, литературу.

Упомянутая речь интересна еще и тем, что в ней сильно прозвучало презрение ученого-разночинца к так называемому высшему свету, людям богатым, «владеющим многими подвластными». Чем они занимаются? Получив скудное образование,— писал Дядьковский,— «они уже готовятся занять должности. Почему это? Потому, что танцуют? Потому, что играют на разных инструментах? Потому, что говорят на разных языках? Но что в том и чего от подобных образованных людей, которые ни окружающих вещей, ни самих себя не понимают, не только нравственные науки, но даже и искусства, истинно полезные человеку, ожидать могут?» [16, с. 332]. Неприязнь к «высшему обществу» в 30-е гг. XIX в. была распространена среди разночинцев. Но чтобы высказать ее на торжественном акте в Императорском университете, на это не каждый мог решиться.

Значение творчества Дядьковского особенно велико потому, что он, как уже было сказано, имел огромное влияние на молодежь и был в центре интеллектуальной жизни России 30-х гг. XIX в. «В своих слушателях, студентах,— писал видный медик середины XIX в. М. Г. Соколов,— он имел горячих поклонников и последователей. Молодые врачи — бывшие слушатели — долгое время руководствовались теоретическими воззрениями Дядьковского, применяли при постели больного его способы лечения и считались лучшими. В сороковых годах мне приходилось встречаться с его последователями, и все они с восторгом вспоминали своего бывшего профессора, сохраняли для справок записки, составленные из его лекций. Современники называли их дядьковцами...» [17, с. 56]. Много лет спустя после окончания академии другой ее выпускник зоолог В. Н. Бензенгр вспоминал: «Звездой Академии считался, и совершенно справедливо, И. Е. Дядьковский... С ужасом узнали мы в январе 1835 г., что Дядьковский больше читать не будет, за что-то удален» [18, с. 105—106].

Известный литературный критик Аполлон Григорьев, учившийся в Московском университете с 1838 по 1842 г., т. е. уже после увольнения Дядьковского, писал: «Это имя всякий день звучало у меня в ушах; оно было окружено раболепнейшим уважением, и оно же было именем борьбы живой, новой науки с старой рутинной... Не могу я, конечно, как не специалист, хорошо знать заслуги Дядьковского, но знаю то только, что далеко за обычный звонок простирались его беседы и что эти люди все без исключения заслуживались его «властного» слова, как впоследствии мы, люди последующего поколения, тоже далеко за урочный звонок жадно приковывались глазами и слухом к кафедре [с которой читал Т. Н. Грановский]» [19, с. 40]. Л. Ф. Змеев в 1864 г., когда память о Дядьковском еще была свежа, когда были еще живы многие, лично знавшие его, писал: «Обладая огромным запасом сведений, неотразимой логикой и даром красноречия, кроме того, умением возбуждать к деятельности все окружающее, он стал светом, необходимым для всех, центром, около коего все двигалось, к коему все тяготело» [4].

Как уже было сказано, Дядьковский был близок со многими выдающимися деятелями культуры, науки, общественной и философской мысли России 30-х годов XIX в. В числе его близких знакомых, кроме уже

указанных, были М. С. Щепкин, поэт И. П. Ключников, В. Ф. Одоевский, профессор древней истории Д. Л. Крюков и многие другие.

С конца 1831 г. Дядьковский был знаком с В. Г. Белинским, который упоминает о нем в своих письмах родным в январе 1832 г. В дальнейшем, до отъезда Белинского в 1839 г. в Петербург, они часто встречались и помногу беседовали. Н. В. Беклемишев в 1852 г. описал встречи в доме Н. С. Селивановского. «Часто там бывали Щепкин, Дядьковский, И. и П. Ключниковы, Иноземцев, Крюков, Степанов и Мочалов. Там же я встречал Белинского, раза два Кольцова...» Заметим, что кроме названных Беклемишевым, литературный салон Селивановского посещали Н. А. Полевой, друзья Герцена Н. Х. Кетчер, В. П. Боткин. Однажды, — продолжает Беклемишев, — собрались у Селивановского гости, «В это время пришли Дядьковский с Белинским... До чаю Дядьковский с Крюковым играли в шахматы, Белинский и Павел Степанович [Мочалов] сидели рядом. Дядьковский с Белинским заговорил о Шолье [французский поэт-эпикурец конца XVII — начала XVIII вв.]. Павел Степанович внимал им, боясь проронить одно слово, и любовно глядел на них обоих. Кто-то к нему зачем-то обратился, он недовольно отмахнулся и отвернулся. Он мне сказывал, как он, Ключниковы, Белинский и Дядьковский ходили обедать к Печкину и сколько хорошего он черпал из бесед с ними!» Встречи не ограничивались домом Селивановского. Дядьковский и Белинский, говорится далее, вместе посещали П. С. Мочалова [20, с. 274—276]. Связи Белинского с Дядьковским не учитывали исследователи эволюции философских взглядов Белинского от увлечения Фихте, Шеллингом и Гегелем к материализму. У нас нет прямых данных о влиянии Дядьковского на этот процесс, который произошел именно в годы их общения. Но мы знаем, что Дядьковский, который был на 27 лет старше Белинского, к тому времени уже около двух десятилетий сражался с идеализмом, знает о его страстности в этой борьбе, знаем, что он всячески стремился уберечь от увлечения идеализмом своих знакомых. Вспомним, например, как он реагировал на такие увлечения поэта В. Д. Веневитинова. Вместе с тем не следует, видимо, и чрезмерно обольщаться, что здесь может быть открыто что-то решающее. Дело в том, что Дядьковский разрабатывал и отстаивал материализм в его приложении к пониманию природы, а Белинский в те годы неистово, мучительно искал решения проблем социальных, свободы и развития человека. Что касается материализма в понимании природы, то он и сам в юности не испытывал здесь больших сомнений. Все началось именно с того, что он не мог от него выйти на решение социальных проблем, которые его мучили. Все, что мы знаем о Дядьковском, говорит за то, что он немало мог влиять на возвращение Белинского на поиски на путях материализма. Советы, которые Дядьковский давал Веневитинову — приглядываться к жизни, знать ее вопросы, а не витать в высотах метафизики — были и здесь как нельзя кстати, и главное, соответствовали устремлениям самого Белинского, а значит могли произвести на него впечатление и оказать определенное воздействие.

Можно на это смотреть так или иначе, но это не меняет главного, принципиального для правильного понимания истории естествонаучной и философской мысли в России. А это главное состоит в том, что материалистическая традиция в России не прервалась после Ломоносова и Радищева, а потом якобы пришла сюда с Запада, что в годы, предшествовавшие выступлению Герцена и Белинского, Дядьковский сознательно и настойчиво развивал материалистическую концепцию и решительно критиковал идеализм, в том числе шеллингианство, стремясь в то же время сохранить идею развития.

Мы не знаем, был А. И. Герцен лично знаком с Дядьковским. С 1834 по 1839 гг. Герцен находился в ссылке. Но Дядьковский не прошел не-

замеченным для Герцена. Дядьковского хорошо знали ближайшие друзья молодости Герцена Н. П. Огарев, Н. Х. Кетчер и В. В. Пассек. Именно Пассеку было адресовано письмо о последних днях и смерти Дядьковского в Пятигорске. Много лет спустя после смерти Дядьковского Герцен вспоминает его в «Былом и думах» [21, т. IX, с. 226], а в одном из своих произведений 1868 г. противопоставил взгляды Дядьковского «религиозно-мистическому и отчасти франкмасонскому» направлению [21, т. XX, кн. 1, с. 110].

В 1844 г. Герцен посещал лекции И. Т. Глебова. В своем дневнике он отметил, что почерпнул в них много ценных фактов, мыслей и взглядов на природу. А. В. Станкевич, явно преувеличивая, конечно, даже связывал с этим переход Герцена на позиции решительного материализма и углубление его расхождений с Грановским [22, с. 218]. Расхождения действительно углублялись и не с одним Грановским.

О последних днях Дядьковского мы узнаем из письма врача Н. Молчанова другу Герцена Вадиму Пассеку. В нем говорится, что в Пятигорске незадолго до смерти с Дядьковским познакомился и глубоко заинтересовался им М. Ю. Лермонтов. Их первая беседа затянулась далеко за полночь. Говорили о Байроне, Англии, Бэконе. На другой день Михаил Юрьевич дважды приходил звать Дядьковского послушать его стихи на вечере в доме Верзилиных. Дядьковский плохо себя чувствовал и отговаривался, но Михаил Юрьевич все же вечером увез его, а поздно ночью привез обратно. М. Ю. Лермонтов произвел на Дядьковского огромное впечатление; много раз он повторял своим знакомым: «Что за человек! Экой умница, а стихи его — музыка, но тоскующая» [23, с. 714—716]. Через несколько дней не стало М. Ю. Лермонтова, а шесть дней спустя скончался Дядьковский.

Литература

1. Глебов И. Т., Дядьковский И. Е. Биографический словарь профессоров и преподавателей Московского университета, т. I, М., 1855.
2. Юбилей М. А. Максимовича. СПб., изд. 2-ое, 1872.
3. Лебедев К. В. Предисловие к кн. И. Е. Дядьковский. Практическая медицина. Часть первая, М., 1845.
4. Змеев Л. Ф. Материалы для биографии И. Е. Дядьковского. Моск. мед. газета, 1864, № 20.
5. Дядьковский И. Е. Общая терапия, ч. 1, М., 1836.
6. Миркович Ф. Я. Его жизнеописание, составленное по собственным его запискам. СПб, 1889.
7. Барановская М. Ю. Материалы к биографии И. Е. Дядьковского. В кн. И. Е. Дядьковский. Сочинения. М., 1953.
8. Дядьковский И. Е. Рассуждение об образе действия лекарств на человеческое тело. В кн. Избр. произв. русских естествоиспытателей первой половины XIX века. М., Соцэкгиз, 1959 (перевод проф. Л. Я. Бляхера).
9. Дядьковский И. Е. Программа курса патологии на 1826—1827 г. Отд. рукописей Гос. б-ки им. В. И. Ленина, ОРБ, 10/347. См. также И. Е. Дядьковский. Соч., М., 1954.
10. Дядьковский И. Е. Предварительные понятия. Отд. рукописей Гос. б-ки им. В. И. Ленина, ОРБ, 10/342, 1829. См. также И. Е. Дядьковский. Соч., М., 1954.
11. Дядьковский И. Е. При репетиции записки. Отд. рукописей Гос. б-ки им. В. И. Ленина, ОРБ, 10/346, 1830. См. также И. Е. Дядьковский. Соч., М., 1954.
12. Дядьковский И. Е. Сочинения. М., 1954.
13. Описание празднования юбилея 50-летней службы И. Т. Глебова, СПб, 1881.
14. Дядьковский И. Е. Лекции частно-терапевтические (посмертная публикация). См. в кн. И. Е. Дядьковский. Практическая медицина, часть вторая, М., 1846.
15. Митропольский Н. А. Введение к систематическому изложению болезней человеческого организма. М., 1889, с. 19—25; Богданов Н. М. Очерк истории кафедры частной патологии и терапии внутренних болезней в Московском университете, 1909, с. 39—50; Шилинис Ю. А. Врач-философ И. Е. Дядьковский, Л., 1951; Лушников А. Г. И. Е. Дядьковский и клиника внутренних болезней первой половины XIX в., М., 1953.
16. Дядьковский И. Е. О настоятельной необходимости в наше время изучения медицины всеми просвещенными людьми, особенно богатыми. Ученые записки Моск. ун-та, 1833, сентябрь, с. 221—333.

17. Воспоминания М. Г. Соколова. См. Л. Ф. Змеев. Былое врачебной России. СПб., 1890.
18. Воспоминания В. Н. Бензегра по рукописи включены А. П. Богдановым в его книгу: К. Ф. Рулье и его предшественники по кафедре зоологии. М., 1885.
19. А. Григорьев. Воспоминания. Л., 1980.
20. См. Литературное наследство, т. 56, М., 1950. Публикация М. Ю. Барановской.
21. Герцен А. И. Собр. соч. в 30 томах, М., 1960.
22. Станкевич А. Т. Н. Грановский. М., 1869.
23. Литературное наследство. Лермонтов, т. II, 1948. Публикация В. Н. Смотров.

ЭСТЕТИКА ПРИРОДЫ В ТВОРЧЕСТВЕ АЛЕКСАНДРА ГУМБОЛЬДТА

И. М. ЗАБЕЛИН

Поздним апрелем 1859 г. тяжело заболевший Гумбольдт начертал строки, на которых оборвалась его долгая работа над «Космосом»: они посвящены России — Алтаю и Петербургу. 6 мая Гумбольдт скончался — ему шел 90-й год.

За минувшие с тех пор 125 лет о Гумбольдте написано немало. Постоянно сохранялся интерес к его творчеству в России. Уже в нашем веке подробная биография его была опубликована Д. Н. Анучиным [2]. В. И. Вернадский, судя по многочисленным высказываниям, воспринимал Гумбольдта как одного из близких себе ученых в истории науки (рядом могут быть поставлены Бюффон и Ломоносов, а также Кант и Гёте). Называя Гумбольдта «удивительнейшим» человеком первой половины XIX в., Вернадский не без горечи констатировал в «Очерках геохимии»: «Полной, настоящей биографии Гумбольдта, отвечающей нашему о нем представлению в XX столетии, нет» [3, с. 298]. Прошло полвека после того, как Вернадский высказал эту мысль, но положение не изменилось: адекватная нашему времени биография Александра Гумбольдта не создана. Более того, исследователи творчества Гумбольдта подчас откровенно уходят от анализа его научного наследия, а вне науки нельзя написать хотя бы относительно близкую к истине его биографию. Вот пример. Геолог и археолог Гельмут де Терра, автор фактологически очень ценной книги «Александр Гумбольдт и его время» (в Нью-Йорке опубликована в 1955 г., у нас — в 1961 г.), с восхитительной доверительностью сообщает читателям: «Научную оценку всего свершенного Александром Гумбольдтом я хотел бы предоставить другим авторам...» [4, с. 4]. Вернадский писал о Гумбольдте, что «его оценка в истории географии до сих пор не сделана. Фитосоциология, экология, явления, связанные с биоценозами, могут быть во всех основных чертах прослежены в своих первых ярких проявлениях в его работах» [3, с. 298]. Эти научные вариации уже после высказывания Вернадского привлекли внимание советских географов и биогеографов, и в этом плане определенный успех достигнут: появились статьи, проясняющие вклад Гумбольдта и в развитие наук о Земле, и в эволюционное учение о вселенной [5, 6].

До сих пор, однако, практически не исследованы взгляды Гумбольдта, которые можно было бы объединить в понятие «эстетика природы». Им и уделено основное внимание в этой статье.

К числу важнейших категорий в мировоззрении Гумбольдта относятся понятия «целое», «целостность»: без них он просто не может быть понят. На первой же странице «Космоса» Гумбольдт прямо заявил, что главным его побуждением всегда было «объять природу как целое», во всеобщей связи ее явлений. История мирозерцания, история учения о космосе мыслилась Гумбольдтом как история познания целостности природы. Вполне закономерно, что и во взаимоотношениях человека с природой Гумбольдт не противопоставлял этих вечных партнеров, а, наоборот, стремился выявить их единство, включая даже интимный мир человека в «целое природы», утверждал мысль, «проникающую все стадии человеческого развития, что общие, законные и потому вечные узы связывают всю живую природу» [7, с. 14], что жизнь существует на планете в единстве, как «сфера жизни» [7].